

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ: КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ НА РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Султонова Зулхумор Сабатуллаевна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы

Самаркандского государственного педагогического института;

Саттарова Азиза Бахтиёровна

студентка 1 курса факультета языков

Самаркандского государственного педагогического института.

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу речевого этикета как феномену культуры общения в русской и узбекской лингвокультурных традициях. В рамках лингвокультурологического и прагмалингвистического подходов исследуются системы приветствий, обращений и формул вежливости, рассматривается иерархия социальных ролей и их вербальная репрезентация. Особое внимание уделяется выявлению универсальных характеристик этикетных единиц и культурно-специфичных механизмов, регулирующих коммуникативное поведение. Делается вывод о том, что различия в этикетных системах обусловлены глубинными социокультурными кодами: персоналистским и формально-дистантным характером русской коммуникации, с одной стороны, и строгой иерархичностью и ритуализованным коллективизмом узбекского общения, с другой. В работе представлена теоретическая рефлексия идей ведущих лингвистов (Н.И. Формановской, В.И. Карасика, Ш. Сафарова и др.), а также предложена оригинальная интерпретация языкового материала, позволяющая избежать прямой иллюстративности.

ANNOTATSIIYA. Ushbu maqola rus va o'zbek lingvomadaniy an'analaridagi nutq odobi va muloqot madaniyati fenomenining qiyosiy tahliliga bag'ishlangan. Lingvokulturologik va pragmalinqvistik yondashuvlar doirasida salomlashish, murojaat va

xushmuomalalik formulalari tizimlari, ijtimoiy rollar ierarxiyasi va ularning verbal ifodasi o'rganiladi. Etiket birliklarining universal xususiyatlari hamda kommunikativ xulq-atvorni tartibga soluvchi madaniy-o'ziga xos mexanizmlarni aniqlashga alohida e'tibor qaratilgan. Xulosa qilinishicha, etiket tizimlaridagi farqlar chuqur ijtimoiy-madaniy kodlar – bir tomondan, rus muloqotining personalistik va rasmiy-masofaviy xarakteri, ikkinchi tomondan, o'zbek muloqotining qat'iy ierarxik va ritualizatsiyalashgan kollektivizmi bilan belgilanadi. Maqolada yetakchi tilshunoslarning (N.I. Formanovskaya, V.I. Karasik, Sh. Safarov va b.) g'oyalarining nazariy talqini berilgan hamda to'g'ridan-to'g'ri misollar keltirishdan qochib, lingvistik materialning original talqini taqdim etilgan.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевой этикет, культура общения, русский язык, узбекский язык, вежливость, обращения, лингвокультурология, межкультурная коммуникация.

KALIT SO'ZLAR: nutq odobi, muloqot madaniyati, rus tili, o'zbek tili, xushmuomalalik, murojaatlar, lingvokulturologiya, madaniyatlararo muloqot.

Феномен речевого этикета, будучи одной из наиболее значимых и одновременно сложных категорий лингвистической прагматики, представляет собой уникальный объект исследования, ибо он лежит на пересечении системы языка и структуры социума. Если рассматривать язык не как замкнутую имманентную структуру, а как живой, антропоцентричный инструмент, то станет очевидным: любое высказывание несет в себе не только информацию о мире, но и тончайший слой информации об отношениях между говорящим и слушающим.¹ Именно этот слой, регулируемый неписаными, но жесткими кодексами поведения, и составляет предмет речевого этикета. В рамках настоящего исследования нам предстоит осуществить глубокое сопоставление культуры общения в русском и узбекском языках, рассматривая этикетные единицы не как застывшие формулы, а

¹ Ахмадова Ю.А. Нравственно-этический компонент системы преподавания культуры речи в техническом вузе // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5.

как живые маркеры культурных доминант. Традиционно в лингвистике утвердилось мнение, согласно которому речевой этикет обслуживает акт коммуникации, помогая установить контакт и продемонстрировать доброжелательность, однако подобный функциональный взгляд является слишком узким. Гораздо продуктивнее подходить к этикету как к своего рода культурному фильтру, который пропускает через себя личность, трансформируя её естественные биологические импульсы в социально приемлемые формы.

Обращаясь к теоретическим основаниям, необходимо признать, что современная наука о языке пережила в последние десятилетия так называемый «прагматический поворот». Если структурализм первой половины двадцатого века стремился изучать язык как систему отношений, очищенную от субъективности говорящего, то прагматика и лингвокультурология вернули в поле зрения исследователя фигуру носителя языка. В этой связи показательна концепция Н.И. Формановской, чьи работы заложили фундамент для изучения русского речевого этикета как системной организации устойчивых формул общения.² Суть её подхода, выраженная в перифрастической форме, сводится к утверждению, что этикетные единицы являются социализированными знаками, которые сигнализируют о типе ситуации и характере отношений между коммуникантами более весомо, чем лексическое значение отдельных слов. Она демонстрирует, что формула приветствия или прощания работает как ключ, запускающий определенную коммуникативную рамку. Параллельно с этим развивалась теория вежливости, наиболее авторитетная версия которой была предложена западными исследователями, чьи идеи о «лице» (self-image) и стратегиях его сохранения стали интернациональным достоянием. Согласно этой теории, главной движущей силой этикета является стремление собеседников сохранить собственное социальное «лицо» и не посягнуть на «лицо» партнера. Однако критическая переоценка этих

² Алимов Т.Э., Куприянова М.Е. Социокультурная специфика этикетных форм приветствий и обращений в узбекском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 11.

универсалистских моделей привела к появлению работ, демонстрирующих, что понимание «вежливости» радикально различается в разных культурах. Например, то, что русский носитель языка может счесть искренним и душевным (преодоление дистанции), в узбекской традиции может быть расценено как фамильярность и неуважение к субординации .

Переходя от общих теоретических постулатов к конкретному языковому материалу, мы прежде всего должны обратиться к сфере обращений, ибо именно с обращения начинается любой речевой акт, и именно оно задает тон всему разговору. В русской лингвокультурной традиции система обращений пережила сложную эволюцию. До революции существовала развитая сословная иерархия титулов, которая была сознательно разрушена после 1917 года, а общеупотребительные «господин» и «товарищ» несли на себе мощный идеологический отпечаток. В современной русской речи, как показывают наблюдения, сохраняется существенная лакуна — отсутствие нейтрального, универсального уважительного обращения к незнакомому человеку. Носители языка вынуждены прибегать к описательным конструкциям, безличным формам или откровенно просторечным вариантам, что создает ощущение дискомфорта. Единственным формальным маркером уважения остается система «имя + отчество», которая функционирует как строгий социальный индикатор. Переход на именное обращение без отчества, даже при использовании формы «Вы» (вежливое местоимение), сигнализирует о принятой в данном коллективе сокращенной дистанции либо о попытке говорящего эту дистанцию сократить. В этом смысле русская культура демонстрирует парадокс: при внешней демократичности и допущении достаточно быстрого перехода на «ты» в неформальной среде, формальные отношения требуют жесткой привязки к патронимической номинации .

Совершенно иную картину мы наблюдаем при анализе узбекской традиции обращений. Исследователи, работавшие в области социолингвистики тюркских языков, неизменно подчеркивают, что ключом к узбекскому этикету является

категория возраста и, шире, статуса. Чрезвычайно значимым представляется факт, зафиксированный в ходе полевых исследований: младший член общества в узбекской среде лишен права обращаться к старшему по имени, даже если старший не является родственником. Для носителя русского языка, привыкшего к тому, что обращение по имени — это базовая, нейтральная форма, подобный запрет кажется архаичным. Однако данный запрет выполняет важнейшую функцию поддержания иерархического миропорядка, который освящен многовековой традицией. Вместо имени используются термины родства, выполняющие функцию апеллятивов (обращений), или же описательные обороты, указывающие на уважение. Даже супружеские пары, как отмечено в ряде работ, стремятся избегать использования личных имён в присутствии посторонних или старших родственников, заменяя их эвфемистическими обозначениями типа «мать нашего ребенка» или просто местоимениями. Более того, узбекский язык обладает разветвленной системой суффиксов субъективной оценки, которые присоединяются к именам и терминам родства, передавая целую гамму оттенков от почтительного до фамильярно-ласкательного. Выбор правильного аффикса — это сложная лингвопрагматическая задача, решение которой зависит от микро-социума конкретной семьи.

Следующим существенным аспектом сопоставления являются формулы приветствия, которые, на первый взгляд, кажутся универсальными, но при детальном рассмотрении обнаруживают глубокие культурные расхождения. Русское приветствие, как правило, констатирует сам факт встречи («Здравствуйтесь» — пожелание здоровья) или указывает на время встречи («Доброе утро»). Оно функционально и достаточно лаконично. Исследователи фатической коммуникации отмечают, что русская культура в целом менее ритуализирована в плане установления контакта, чем восточные культуры. Приветствие — это скорее сигнал к началу обмена информацией, чем самостоятельная ценность. Хотя тактильные приветствия (рукопожатия, объятия) имеют свою гендерную и возрастную градацию, их роль в русском общении всё же уступает вербальному компоненту.

Узбекское приветствие представляет собой сложный многоуровневый комплекс. Узбекский речевой этикет предписывает не просто произнести формулу, но и сопроводить её специфическим невербальным действием — прикладыванием правой руки к сердцу. Этот жест выполняет сразу несколько функций: во-первых, он демонстрирует искренность словесного приветствия; во-вторых, служит знаком особого почтения, которое говорящий испытывает к собеседнику; в-третьих, является своеобразной защитой от дурного глаза, уходящей корнями в доисламские верования, но адаптированной современной культурой. Сама вербальная формула, как правило, содержит пожелание мира и благополучия, причем её развернутость прямо пропорциональна статусу собеседника. Обращение к старшему требует более длинных, архаичных формул, содержащих религиозный компонент (пожелание милости Аллаха). Это кардинально отличается от русского подхода, где длина формулы вежливости обычно сигнализирует о холодности или, напротив, об официальной дистанции.

Глубинные различия между двумя рассматриваемыми культурами становятся особенно заметны при анализе косвенных речевых актов, в частности, актов несогласия или просьбы. Здесь наглядно проявляется действие параметра «контекстная зависимость», введённого в научный оборот исследователями межкультурной коммуникации. Русская коммуникация представляет собой феномен, который можно охарактеризовать как «низкоконтекстный» (хотя и в меньшей степени, чем, скажем, германские культуры). Это означает, что значительная часть информации передается вербально, прямо. Если русский носитель языка хочет сказать «нет» или выразить несогласие, он имеет в своем распоряжении целый арсенал прямых утверждений, смягченных лишь интонацией или вводными словами. Отказ от прямого «нет» воспринимается как слабость или неискренность. При этом важно отметить, что знаменитая русская «душевность» и «искренность» в парадигме этикета оборачиваются допустимостью достаточно резких речевых актов в дружеском кругу, что было бы немыслимо в культурах с высоким индексом избегания неопределенности.

Узбекская коммуникативная традиция, напротив, является классическим примером высококонтекстной культуры, где роль вербального, эксплицитного сообщения снижена, а огромное значение приобретают контекст ситуации, невербальные сигналы и, главное, заранее известные участникам иерархические паттерны. Выразить несогласие прямо — значит нанести тяжелое оскорбление оппоненту и, что более важно, нарушить коллективную гармонию. Поэтому в узбекском языке для выражения отказа или несогласия используются стратегии косвенности, которые лингвисты относят к группе «ускользающих» актов. Вместо прямого отрицания говорящий может выразить сомнение в своих компетенциях («Вряд ли я смогу это сделать хорошо»), перевести разговор на будущее время («Мы ещё подумаем над этим вопросом»), или использовать условное наклонение, которое сигнализирует о гипотетическом характере действия. Эти стратегии направлены не на передачу информации о невозможности выполнения действия, а на сохранение «лица» адресата. Успешность коммуникации измеряется не тем, понял ли собеседник буквальное содержание отказа, а тем, удалось ли избежать конфронтации.

Интересно проследить, как эти принципы работают в сфере бытового этикета, например, в ситуации застолья, которая является значимым культурным сценарием для обеих наций. Русское застолье, особенно в неформальной обстановке, характеризуется ломкой субординации. Гости произносятся разными участниками, порядок слов может быть нарушен, и молодежь может достаточно свободно взаимодействовать со старшими, хотя базовое уважение (например, уступка места) сохраняется. Узбекское застолье, напротив, ритуализировано до мельчайших деталей. Порядок рассадки, очередность подачи блюд, последовательность приветственных тостов — всё строго регламентировано возрастом и статусом. Человек, занимающий младшее положение, не имеет права начать есть раньше старшего, налить себе напиток без предложения старшему или перебить говорящего. Эти вербальные и невербальные ритуалы являются не просто формальностью, но квинтэссенцией узбекской концепции «одоб» (воспитания) и «халол» (достойного

поведения). Нарушить этот порядок — значит публично заявить о своей невоспитанности и неуважении к роду.

Следует также коснуться гендерного аспекта речевого этикета, который в двух культурах проявляется неодинаково. В русской традиции, вобравшей в себя элементы европейской эмансипации, гендерные различия в этикете сглажены. Женщина обладает большей свободой в выборе стратегий общения, может инициировать переход на «ты» и выступать в качестве равноправного партнера в диалоге с мужчиной, за исключением некоторых формальных случаев (например, в армейской среде). В узбекской традиции, несмотря на современные изменения в городской среде, сохраняется патриархальный уклад, требующий от женщины (особенно замужней) большей сдержанности и почтительности в общении с мужчинами, особенно старшими. От женщины ожидается использование более формальных, почтительных форм, избегание прямого взгляда при разговоре со старшим мужчиной и, в ряде консервативных семей, исключение вербальной активности в присутствии старших мужчин-родственников мужа. Это не столько дискриминационный механизм, сколько вековая система защиты семейного авторитета и чести, закрепленная в этикетных нормах.

В лингводидактическом аспекте эти различия создают для носителей каждого из языков серьезные трудности при изучении языка-партнера. Русский студент, изучающий узбекский язык, часто испытывает шок, когда его попытка сказать «Привет, как дела?» старшему коллеге воспринимается как проявление крайнего неуважения, даже если произнесена она с идеальным произношением. Ошибка кроется не в грамматике, а в прагматике: учащийся неправильно оценил социальную дистанцию. И наоборот, узбек, изучающий русский язык, будет испытывать трудности с восприятием русской «прямоты». Постоянное использование слов «нет» и прямых возражений со стороны преподавателя или коллеги может восприниматься им как хамство и недоброжелательность, хотя носитель русского языка не вкладывал в эти слова никакого негатива, просто привык к вербализации всех этапов мысли. В

этой связи в современной методике преподавания всё более настоятельной становится необходимость включать в учебные программы лингвострановедческий компонент, который бы не просто знакомил с лексикой, а формировал бы «этикетную компетенцию» — способность распознавать и правильно интерпретировать иерархические и контекстуальные сигналы .

Важно подчеркнуть, что в эпоху глобализации и интенсивного межкультурного взаимодействия эти традиционные модели не остаются статичными. Русская речь активно впитывает западные формы вежливости, хотя они часто вступают в конфликт с традиционной искренностью, порождая феномен «неискренней вежливости» (*service politeness*), который маркирует торговлю и сферу обслуживания. Узбекская речь, особенно в интернет-пространстве и в среде образованной молодежи, также адаптируется. Появляются смешанные формы обращений, попытки обойти строгие запреты на имяназывание с использованием заимствованных апеллятивов или ников. Однако, как показывают исследования, глубинные структуры — уважение к возрасту и иерархии в узбекской среде и паритет с оттенком формального индивидуализма в русской среде — демонстрируют высокую степень устойчивости. Язык, будучи хранителем культуры, сопротивляется радикальным изменениям в своей прагматической основе.³

Подводя итог этому сопоставительному анализу, необходимо зафиксировать принципиальный вывод: такие понятия, как «вежливость» или «уважение», являясь универсальными человеческими ценностями, получают в каждой культуре свою уникальную языковую плоть. Русский речевой этикет ориентирован на уважение к личности и её формальному статусу через систему обращений по имени-отчеству, при этом допуская высокую степень вербальной экспликации эмоций и мыслей, включая прямые выражения согласия или несогласия. Узбекский речевой этикет

³ Хушназарова Г. Роль речевых актов и межкультурной коммуникации: сравнительное исследование узбекских и английских языковых практик // Общество и инновации. 2025. Т. 6. № 6. С. 236-242.

ориентирован прежде всего на поддержание субординации по возрасту и социальному положению, используя богатый арсенал косвенных речевых актов и невербальных жестов для сохранения гармонии и «лица» собеседника любой ценой, даже в ущерб точности информации. Эти две системы — две различные философии общения, каждая из которых обладает собственной логикой и глубиной. Понимание этих различий представляет собой не просто академический интерес; это практическая необходимость для построения эффективного и уважительного диалога между представителями двух великих культур. Будущие исследования в этой области, вероятно, должны быть направлены на изучение динамики этикетных норм в условиях цифровой коммуникации, где традиционные скрипты (сценарии) поведения видоизменяются, а также на создание практических пособий по межкультурной прагматике для широкого круга пользователей. Только осознав, что вежливость не универсальна по своей форме, мы сможем перейти от формального знания языка к подлинному пониманию души собеседника.

Список использованной литературы

1. Алимов Т.Э., Куприянова М.Е. Социокультурная специфика этикетных форм приветствий и обращений в узбекском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 11.
2. Ахмадова Ю.А. Нравственно-этический компонент системы преподавания культуры речи в техническом вузе // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.
4. Родина И.В., Пиядина Е.М. Уважительные обращения в русской лингвокультурной традиции и современных медиа // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. 2024. Т. 30. № 3. С. 27-37.

5. Хушназарова Г. Роль речевых актов и межкультурной коммуникации: сравнительное исследование узбекских и английских языковых практик // Общество и инновации. 2025. Т. 6. № 6. С. 236-242.
6. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007.